

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

5.8.12

№ 51 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Иисус, шествующий по водам

Помните слова Христовы: «Если будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: передвинься отсюда туда, - она переместится; и ничего не будет невозможного для вас». Но как? Двигать скалами - это же в принципе невозможно! Быть может, это метафора? И да, и нет. В нынешнее воскресенье в православных храмах читается отрывок из Евангелия от Матфея, повествующий о том, как ученики Христовы ночью плыли в лодке по Галилейскому морю, и вдруг видят Иисуса, идущего к ним по поверхности воды, как по суше. От неожиданности они испугались - не призрак ли? Петр же - самый смелый - взывает к Иисусу: Господи! если это Ты, повели мне идти к Тебе навстречу тоже по воде. Христос сказал: иди. И вот Петр выпрыгивает из лодки и твердо становится на водную поверхность.

Представляете себе ощущение? Делает первый шаг, другой - поразительно, но вода стала под ногами твердой - никакого погружения. Ещё один шаг - невероятно - можно шагать, как по каменной мостовой. Значит, всё - бегом навстречу Иисусу!.. Стоп, но этого же не может быть! Может, это сон или бред, - наверное, подумал ученик Христов? Может, это не со мной, или я уже умер? Или я с ума сошел? И вот, по мере того, как эти сомнения стали овладевать душой Петра, вода под ногами стала терять упругость. Сначала по колену он увяз, потом по пояс, и, в конце концов, словно в наказание за потерю веры, он стал тонуть. Он не просто погрузился в воду и дальше поплыл. Нет, в Евангелии сказано, что он стал тонуть. Вдумайтесь - молодой, здоровый мужчина, профессиональный рыбак, который мог километры проплыть без передышки, полдня безвылазно находиться в воде - тонет. Сходу. Еще и минуты не прошло, как он потерял способность идти по воде. Захлебываясь, Петр закричал: Господи! Спаси меня!

Это произошло как раз в тот момент, когда Иисус уже подошел к месту, где вода как бы уволаскивала Петра в пучину морскую на дно. Иисус тотчас схватил его за руку, вытащил из воды, поставил на ноги Своего ученика и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?

Мы уже говорили с Вами - что это за сила такая, которая может двигать горами и держать человека на поверхности воды, как на булыжном помосте. Это сила Божия, сила Того, Кто создал мир, Кто придумал и провозгласил законы природы, Кто управляет вселенной. Но каким образом эту силу может использовать человек? **ЕДИНЕНИЕМ СО ВСЕВЫШНИМ. ВЕРА - ЭТО ВРАТА, через**

которые снисходит Бог в наши сердца. По- средством веры мы становимся с Богом близкими, озаренными Божественным светом, и **могущество Божие становится в той или иной мере доступным верующему.** Даже вера с маленькое горчичное зернышко может творить чудеса. Это горчичное семя веры пробивает толстый железный занавес, отделяющий нас от Бога, и сквозь это крошечное отверстие начинает бить ослепительный свет Божьей силы.

Язычество в христианстве

И вторая воскресная тема, обсуждаемая в кафедральном соборе Сретения Господня - язычество в христианстве.

Рассуждая о рецидивах язычества в современной Церкви, мы отмечали с Вами симптомы этого нездорового явления. Когда, например, должное почитание святых превращается в их обожествление, когда не осознается принципиальная разница между Всевышним Богом и Девой Марией - Матерью Иисуса. Не понимается то, что любого святого, даже пророка или апостола, нельзя в уме и сердце ставить на один уровень с Иисусом Христом. Если человеку всё равно, как и кому молиться - ангелу Хранителю, Марии Египетской или Отцу Небесному, то такой человек отнюдь не свободен от оков языческого прошлого. Одно дело, когда христианин возносит свои молитвы Отцу Небесному и вместе с этим просит небожителей присоединиться к его молитвам Всевышнему, как это и звучит в любой православной церкви, например - Святитель Гермоген, великомученик Деомид, преподобный Антоний, все святые, молитесь Богу о нас! Это нормально. Но если я в своем сознании создал такой вот «пантеон» божеств по потребностям - иконочку Вонифатия держу для того, чтобы сторож не спился. Иконку Антипы - на случай зубной боли, Зосимы и Савватия - дабы пчелы не покусали, Богоматери «Неопалимая купина» - чтоб пожара не было, а пророку Илье - дождик иногда нужен и т.д., то христианином я только называюсь. Нутро мое вполне языческое.

Мы неоднократно отмечали с Вами простоту языческого богословия. В понимании язычника - за солнцем стоит некий бог солнца, за дождем - некий бог дождя, за рекой - бог реки, за морем - бог моря, за всем стоит соответствующая духовная сила. И в разное время мне нужны разные духи. То вдруг дух солнца понадобится, потом - дух дождя. И язычник соответственно и обращается - то к одному, то к другому. В христианстве такого быть не должно. Да не только в христианстве, в любой авраамитской монотеистической религии, есть только один Бог, Которому мы должны воздавать славу и возносить мольбы. А если я назвался христианином, но сознание мое на самом деле языческое, то я норовлю создать себе свою родимую привычную атмосферу. Языческих идолов низвергли - назначим новых. Ну, чем пророк Илия не тянет на роль господина атмосферных осадков? Вполне. Значит, ура - есть такой дух дождя, есть к кому обращаться! Дух мореплавания? Как же без него язычнику обoitись! Так Николай Чудотворец есть! Давайте его объявим покровителем моряков. Давайте! И с превеликим удовольствием! Покровителем налоговиков - апостола Матфея пристроим. А если применить фантазию, то и для воров своего небесного покровителя назначить можно, и для женщин легкого поведения, ну, Марию Египетскую или Магдалину. Почему бы и нет? Так вот незаметно люди и сползают с высоты монотеистической религии в политеизм - многобожие.

Кроме многобожия, язычество, как мы подчеркивали с Вами, имеет еще один существенный признак - магизм. Язычник строит с божест-

вом не личностные отношения, а магические. Дескать, я вот произнесу эту формулу, и божок будет вынужден ответить на это мое заклинание или действие. Он во власти моих магических манипуляций. Я совершу то или иное действие, и будет так, как я захочу. Вот пошепчу, повернусь направо, подпрыгну, потом повернусь налево, паду ниц, покручусь, чихну, поплюю - и всё будет для меня исполнено. **Именно так** думали и так верили древние язычники.

В христианстве совершенно иной характер взаимоотношений с Богом. Помните слова Христовы: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим... Вы друзья Мои, - говорит Иисус, - если исполняете то, что Я заповедую вам. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю...». Т.е. такие открытые, дружеские, лично окрашенные отношения человека с Богом, основанные на любви и достоинстве. Это в христианстве. А в язычестве - там голый принцип взаимодействия. Я совершаю магическое действие, а дух в ответ на мой «пасс» выполняет мое желание.

Причём, телодвижение мое должно быть обязательно правильным. Поплевать через левое плечо. Через правое нельзя. Причем, три раза. Не два, и не четыре.

И формулу магического заклинания очень важно произнести слово в слово. Нельзя переставлять и путать слова. Ни в коем случае нельзя пытаться переводить заклинание на другой язык. В противном случае формула потеряет силу. Не важно то, что ты ни слова не понимаешь, что произносишь. Главное, чтобы всё правильно было.

Сказать, что всё это в далёком дохристианском прошлом, к сожалению, нельзя. Вот язык богослужения, - каким должен быть? Сейчас это, в общем, уже почти не проблема. Кто на каком хочет, тот на таком и служит. В Украине, по крайней мере. Но 20 лет назад, 30 лет назад служить литургии на русском или украинском языке - это был криминал. Отец Всеволод Стравинский, Херсонский благочинный, за то, что осмелился читать только Евангелие в Свято-Духовском соборе не на церковно-славянском языке, а в русском Синодальном переводе, в свое время был строго наказан правящим архиереем.

А в России и до сих пор русский язык запрещен. Молдаване православные молятся на молдавском. Французы - на французском. Американцы - на английском, японцы - на японском. А русские - на русском - ни в коем случае. Бог не поймет. Он слышит только церковно-славянский. Нет, конечно, это не является вероучением Российской Церкви. Доктрины святости, сакральности славянского языка, нет такой, конечно. Но на практике современный русский запрещен. Язык Пушкина - не годится.

Богослужебный язык - это, конечно, тот вопрос, который нельзя упрощать. Здесь и политика замешана. Стремление сохранить церковное единоначалие за счет единого языкового пространства. Это и проблемы самого перевода. Многие современные варианты переводов богослужебных текстов слишком неудачны. Но мы сейчас не об этом. Многие рядовые россияне, посещающие храмы, ведь действительно думают, что язык, на котором они молятся, имеет значение сам по себе. А это уже косвенный признак язычества.

Признаком языческой психологии является сакрализация любой формы, то, что получило название «обрядовое». Помните, проблемы староверов с их двуперстием? Они ведь всерьез считали, что не всё равно, как складывать пальцы для крестного знамения. Они были убеждены, что двуперстие - это единственно правильная форма. И если её нарушить, то крестное знамение теряет силу.

Патриарх Никон также исправил некоторые тексты Богослужений. А староверы эту правку восприняли, как порчу. И опять-таки, дело не в том, что им не нравилась никонианская версия молитвословий. Вопрос ставился совершенно по-другому. Молитва воспринималась ими, как заклинание, слова, которые нельзя менять. А крестное знамение - это магический жест, его тоже нужно соблюдать в точности. Раз наши предки крестились так, молитвы читали в такой последовательности, значит, и мы будем это делать точно в такой же форме.

Здесь нужно различать очень важный момент. Проблема староверов заключалась не в том, что они старательно хранили традиции седой старины, бережно и благоговейно исполняли церковные обряды. Это, как раз, похвально. Наоборот, упрекать нужно тех, кто относится небрежно к исполнению церковных традиций и предписаний. Небрежное соблюдение форм свидетельствует о соответствующем внутреннем состоянии. Если ты стоишь на молитве, бормочешь что-то нечленораздельное, и крестное знамение твоё напоминает отмахивание мух, то вряд ли ты осознаёшь себя стоящим перед Самим Господом. Проблема обрядоверия в том, что - не личные мои отношения с Богом играют для меня роль и не отношения меня к Церкви, как к Телу Христову, а **уставное телодвижение**. Если я **правильно** перекрестился, то **сам этот жест** обеспечил меня благодатью. Если я прочитал правильную молитву, значит, я могу рассчитывать на результат. Здесь в нашем храме был такой Анатолий. Он неплохо разбирался в древностях. Часто подходил к священникам с рукописью той или иной ископаемой молитвы. За этот исследовательский дух он был уважаем. Но отношение его к молитвословиям было тоже вполне языческим. Например, подходит и говорит: вот я нашел молитву - такая сильная молитва. Его спрашивают: в каком смысле - сильная? Содержательная, выразительная, затрагивает чувства, располагает? Нет, говорит. Результативная. Стоит её прочитать, как Бог обязательно ответит.

Т.е. отношение к молитве Богу, как к магическому заклинанию. Я произнес эти слова, а Господь на них механически отреагировал. Как на кнопку выключателя нажал - свет загорелся. Наступил на грабли - черенком в лоб получил. Такие вот механистические отношения со Всевышним.

Из воспоминаний о Иоанне Замараева: После очередного ремонта в нашем Сретенском соборе не было какой-то период иконостаса. Одна женщина подходит ко мне после литургии и говорит, что в храм наш больше не придет, потому что без иконостаса он - не настоящий, и молиться здесь бесполезно. Никакие аргументы на неё не действовали. Я ей говорил, что в древней церкви иконостасов не было вообще. Что даже сегодня - главная святыня всего православного мира - храм Гроба Господня в Иерусалиме - тоже без всякого иконостаса - бесполезно. Раз он был раньше, значит должен стоять. И не важно, насколько он нужен или полезен».

Это один священник делился своим наблюдением. Говорит: попробуйте пенек поставить посреди храма. И пусть лет десять постоит. А потом попытайтесь вынести, и вы будете иметь большие неприятности. Возмущению прихожан храма не будет предела.

Так вот, значит, в свете сказанного, в идола можно превратить самые неожиданные вещи. И церковный язык, и крестное знамение, и чинопоследование молитв. Любая форма может убить, если её поставить на первое место. Поэтому, по словам апостола Павла, мы с Вами должны быть служителями «Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит».